

ПРАВОСУДИЕ НА ПЕРЕДОВОЙ. ВОСПОМИНАНИЯ ВОЕННОГО ЮРИСТА ОБ УНИКАЛЬНЫХ КАЗУСАХ

Posted on 09.05.2023

Какими обстоятельствами диктовался выбор способа исполнения смертного приговора в военно-полевых условиях — между максимально публичным или «в узком кругу»? Представители каких национальностей нашей страны регулярно проявляли впечатляющий героизм в боях, а каких — малодушничали и всячески уклонялись от вооруженных столкновений? Ответы на эти и другие не менее острые вопросы, звучащие из уст высокопоставленного военного юриста с уникальным профессиональным опытом (а «по совместительству» — легенды столичной адвокатуры), сегодня порой удивляют. В дни, когда мы отмечаем 78-летие Великой Победы, Legal.Report решил вспомнить о том, как в годы войны вершилось правосудие на передовой, о распространенных тогда необычных правовых нормах и конечно, о примечательных юридических казусах.

Исключить поощрение для членовредителей

Бесценные свидетельства для потомков, по которым можно уяснить различные соответствующие правовые аспекты, оставил юрист-легенда Яков Айзенштат. Выпускные «госы» в Московском юридическом институте он сдавал в июне 1941 года, а уже через месяц был призван в войска. Капитан юстиции Айзенштат после войны стал доктором юридических наук, известнейшим защитником, проработавшим в Московской городской коллегии адвокатов более 20 лет и участвовавшим во многих резонансных делах периода хрущевской оттепели и не только.

А азы боевой юриспруденции для него начали открываться на Южном фронте, где юный правовед в качестве секретаря различных военных трибуналов участвовал в рассмотрении множества дел о... членовредительстве. Оно, по словам Айзенштата, носило массовый характер и как правило заканчивалось расстрельным приговором — другого наказания в тогдашнем уголовном кодексе попросту не было.

Впрочем, единственной лазейкой, на которую могли рассчитывать те, кто наносил себе увечья, была ст. 51 УК о переходе к лишению свободы. Но посылать осужденного для отбытия срока в фронтовых условиях опять-таки было, мягко говоря, хлопотно. А главное, это бы означало, что членовредитель добился таки своего. И сохранение жизни стало бы, как считали члены трибуналов, поощрением для его потенциальных последователей.

Расстреливали чаще всего «как в кино» — перед строем сослуживцев. Увы, в первый год войны показательная мера работала мало: число самострелов — решившиеся на них обычно целились в конечности — росло геометрической прогрессии. Вторым по популярности способом стало отрубание пальцев на правой руке топором. Такие дела, повторимся, рассматривались потоком — сотнями и тысячами.

«Балной курсак» и национальный вопрос

Не менее острой проблемой стали межнациональные отношения, точнее нежелание воевать представителей определенных национальностей. Так, во время боевых действий на Кавказе не слишком героически воевала азербайджанская дивизия — многие бойцы, свидетельствует Айзенштат, «стремились уклониться от участия в боях, симулировали заболевания».

Не отставали от них порой и узбеки: «Курсак (т. е. живот) балной, на всю кровать балной!» — с такими жалобами они постоянно просились в госпитали. Нередко переходили на сторону фашистов армяне. Все это «особо контрастировало с поведением бойцов наших других подразделений, которые были сформированы из черноморских моряков».

Азербайджанская дивизия доставляла военной юстиции много хлопот, констатирует военный юрист. «К суду Военного трибунала азербайджанцы привлекались во много раз чаще, чем солдаты из других подразделений, — пишет он в воспоминаниях. — Среди них, а также среди узбеков было много дезертиров, лиц, совершавших попытки перейти на сторону противника, членовредителей и симулянтов».

Между тем иной раз именно представители Закавказья порой демонстрировали весьма оригинальные понятия о чести и достоинстве. Одно из дел было возбуждено против двух солдат-азербайджанцев, которые остановились на ночлег в крестьянском доме и ночью зарезали козу — единственную кормилицу семьи. После жалобы хозяина сочувливый лейтенант — земляк подельников — своеобразно отстоял имидж своего народа. Он лично застрелил этих бойцов, предстал перед Военным трибуналом и... был направлен в штрафную часть, так как симпатии многих были на его стороне.

«Рад бы говорить, не могу»

Еще одно «абсолютно необычное» дело было связано с тем, что все в суде должно так или иначе произноситься вслух всеми участниками процесса. Солдат-украинец по фамилии Лялько попал в госпиталь, он был контужен и легко ранен в мизинец на левой руке. Боец отлично понимал, что скоро его отправят на передовую в Донбасс, где в 1942 году было очень жарко. И вот Лялько решил объяснять всем знаками, что он лишился возможности говорить и слышать.

Однако учетная карточка раненого была заполнена с его слов — после контузии все было в порядке. Врачи сделали ему укол, во сне Лялько принялся нецензурно браниться. Стало ясно, что перед медиками — симулянт. То же самое подтвердила созданная экспертиза. Но в ответ на все вопросы солдат писал на бумаге одно: «Рад бы говорить, не могу».

Когда оглашался смертный приговор трибунала, подсудимый никак не прореагировал. Ему показали текст решения, и солдат тут же написал: «Рад бы говорить, не могу».

От имени заинтересовавшегося делом Военного совета армии (!) Лялько предлагали заговорить — и заменить расстрел лишением свободы. Но тот на все вопросы писал ту же фразу.

Присутствовавшие при казни утверждали, что осужденный настолько вошел в свою роль, практически «по Станиславскому», что и при расстреле не изменил своего установочного поведения.

Дела не будет: судить уже некого...

Колоссальное число советских солдат и офицеров гибло на фронте не в боях, а в результате ЧП, дисциплинарных проступков, нарушений правил обращения с боевой техникой. При этом, отмечает секретарь трибунала, часто судить было попросту некого.

Вот характерный пример. В том же Донбассе на шоссе стояла колонна тяжелых танков, которую ввиду непролазной грязи кругом не мог объехать на своем джипе подполковник, который вез срочное распоряжение на передовую (за рулем «Виллиса» сидел солдат). Старшина из экипажа танка отказался уступить дорогу, подполковник сгоряча застрелил старшину и опомнившись, попытался скрыться. Но танкисты, увидев, что их старшина убит и решив, что это сделал переодетый немец, прямой наводкой уничтожили из пушки джип и находившихся в нем.

Военная прокуратура провела расследование и вынесла постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Действия танкистов «вытекали из создавшейся обстановки и не могли быть поставлены им в вину». А уголовное дело по обвинению подполковника, лишившего жизни старшину-танкиста, было прекращено в связи со смертью обвиняемого.

Как уже расстрелянный получил... приличный срок

Для Военных трибуналов расстрел, несмотря на свою правовую исключительность, стал повседневным. Обычно приговор приводили в исполнение на глазах товарищей по оружию. Но при отступлении, когда для расстрелов перед строем не было времени, казнь совершалась в присутствии узкого круга лиц: военного прокурора, председателя трибунала, особиста и военврача.

В одном из описываемых случаев осужденный оказался лишь ранен, врач ошибочно зафиксировал смерть. Закопали тело не глубоко — торопились, все полдесятка человек быстро разошлись. Человек очнулся, откопал себя, зашел в один из деревенских домов, где ему перевязали раны, а затем отправился напрямик к прокурору, который присутствовал при его расстреле! Тот страшно перепугался. Для расстрелянного все закончилось неплохо: определением высшей инстанции — трибунала Южного фронта — осужденному «в порядке

исключения» заменили наказание длительным лишением свободы. А всех присутствовавших при неосуществленном расстреле отправили в штрафбат.

Стоит отметить: на войне не церемонились и с представительницами слабого пола. Так, одна повариха столовой военторга при отступлении с плодородной Кубани решила не следовать с армией в горы. По мнению женщины, с питанием там стало бы гораздо хуже — и она осталась в станице, в которую вот-вот должны были войти гитлеровцы.

Особисты успели вернуться, арестовать повариху и умчаться в новое расположение штаба. «Учитывая общие настроения женщин, работавших в штабе армии, и в назидание другим», трибунал приговорил повариху к расстрелу. Приговор привели в исполнение, и на прочих дам это произвело, как было совершенно очевидно, устрашающее впечатление.

Сообщение [Правосудие на передовой. Воспоминания военного юриста об уникальных казусах](https://korrossia.com/pravosudie-na-peredovoj-vospominaniya-voennogo-yurista-ob-unikalnyh-kazusah/) появились сначала на legal.report.

